

**МОЯ СЕМЬЯ — XX ВЕК В ПЕТЕРБУРГЕ, ПЕТРОГРАДЕ, ЛЕНИНГРАДЕ, ПЕТЕРБУРГЕ
(из воспоминаний)***

...В XIX в. старшее поколение моей семьи активно участвовало в развитии русской культуры, а в XX в. стало жертвою трагедий, постигших нашу страну. Почти все они родились не в Петербурге, но всю сознательную жизнь провели в нем, работая, главным образом, в области просвещения или на службе в армии. Хочется с самого начала подчеркнуть их связь с высшими учебными заведениями Петербурга, которые они окончили или в которых преподавали. Начну с академий.

Мой прадед Михаил Федорович Раевский окончил Петербургскую духовную академию. Дед Александр Евсеевич Куршаков — Медико-хирургическую академию (теперь она называется Военно-медицинской). Его сын — мой дядя Николай Александро-

* Текст воспоминаний И. В. Арнольд хранится в музее истории РГПУ им. А. И. Герцена.

вич Куршаков не только закончил ее, но и был в ней профессором. Мой отец Владимир Александрович Куршаков закончил Артиллерийскую академию. Моя мама Екатерина Ильинична Куршакова (девичья фамилия Шестакова) и ее старшая сестра Анна Ильинична (по мужу Хоментовская) закончили первые открывшиеся в Петербурге высшие школы для женщин: Женский педагогический институт и Бестужевские курсы. Тетя Анна Ильинична не удовольствовалась одним физико-математическим факультетом, который окончила в 1907 г., но и дополнила свои знания занятиями в Геттингене и через несколько лет, в 1912 г., поступила на историко-филологический факультет тех же Бестужевских курсов. Окончив его, она сдала магистерские экзамены в Петроградском университете. С 1919 по 1923 г. она была доцентом этого университета по кафедре новой истории. А позже преподавала в Зубовском институте истории искусств. Представители следующего поколения были выпускниками Политехнического, Горного и Педагогического институтов. Так система вузов северной столицы, ее просвещение довольно основательно представлены в истории семьи и составляют ее неотъемлемую часть, а после 1917 г. наша семья разделила горькую судьбу просвещенной интеллигенции Санкт-Петербурга <...>

Биографию моего папы мне придется писать без дат — никаких документов или писем мы не сохранили, их пришлось уничтожить при сталинском режиме, так как при обыске они могли стать поводом для репрессий... Придется писать только по памяти.

Владимир Александрович родился в Кронштадте в 1883 или в 1882 г. Окончил кронштадтскую гимназию и поступил в Михайловское артиллерийское юнкерское училище. Оттуда его выпустили офицером Второй гвардейской артиллерийской бригады. Папа был высокообразованным человеком, хорошо знал языки: кроме латинского и греческого, которому учили в гимназии, владел немецким и французским! Любил музыку, хорошо играл на виолончели, часто бывал в опере <...>

С первых дней Первой мировой войны его бригада была на фронте, и он все годы был на передовой. К концу войны он уже в чине полковника, верный воинской присяге, уехал в тыл последним. Солдаты его любили и слушались, и он мог удержать их от распространенных тогда бесчинств по отношению к другим офицерам и таким образом дал тем возможность благополучно уехать <...>

Началась Гражданская война. Долг офицерской чести привел его в Белую армию. Однажды, вернувшись домой из поездки за продуктами, он сказал, что встретил фронтовых товарищей и не может не присоединиться к ним. Так он взял семью сначала в Екатеринодар, потом в Ростов-на-Дону, где ему пришлось заниматься артиллерийскими делами в штабе Деникина. Потом все переехали со штабом в Харьков, и мы жили там в гостинице. Хотя я была еще маленькой, но помню, что когда его кто-то спросил, хочет ли он восстановления монархии, он сказал, что сначала надо прогнать большевиков, а уж тогда будем разбираться. Но Белая армия потерпела поражение. Владимир Александрович отправил семью с каким-то воинским поездом, отступавшим на юг, а сам остался в Ростове, где заболел свирепствовавшим тогда сыпным тифом и умер в 1919 г.

Мама оставалась с ним, потом приехала к нам, уже больная. Вскоре и дети заболели тифом, и нас сняли с поезда в станице Старо-Нижне-Стеблиевской. Что пришлось перенести моей бабушке, бывшей солистке Ла Скала и вдове губернатора, Людмиле Михайловне — даже трудно себе представить. Она оказалась в кубанской станице с больной дочерью и тремя [ее детьми] 11, 10 и 4-х лет. Вещи пропали. Вокруг только чужие. Мама умерла первой. ...Потом заболела и бабушка, но еще как-то ухаживала за больными внуками. Дети выздоровели, а бабушка нет. Ее похоронили в той же станице <...>

Екатерину Ильиничну (в замужестве Куршакову), мою маму, можно, мне кажется, без преувеличения назвать идеалом русской образованной женщины начала XX в. Она окончила Анненшуле и незадолго до того открытый Женский педагогический институт и преподавала историю, язык и литературу в немецкой школе Ekatherinen Schule. Она была очень разносторонним человеком. Любящая дочь, жена и мать четырех детей, она любила свою профессию и была любима учениками. Красивая и элегантная, она часто бывала в театре, хорошо сама пела (ее учила мать Людмила Михайловна), знала языки, европейскую литературу и искусство, играла в теннис <...>

Для характеристики благородства натуры мамы и бабушки приведу запомнившийся мне эпизод. В начале войны с Германией собирались средства в какой-то государственный фонд обороны, и они пожертвовали свои драгоценности. Но бабушка не хотела отдавать кольцо, подаренное ей царем, слушавшим ее пение на каком-то концерте. Патриотический порыв, как мне помнится, победил <...>